

УДК 394

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ
(АНТРОПОЛОГИИ) КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ СУБДИСЦИПЛИНЫ**

Татыханова Еркежан

tatykhanova@list.ru

ЕНУ им.Л.Н.Гумилева, магистрант
Научный руководитель – А.Мамырбекова

Жунусов Серик Казыркенович

zhunussov-serik@mail.ru

Преподаватель общеобразовательных дисциплин, редактор, Казахская национальная академия хореографии

Экономическая этнография или экономическая антропология признана в науке в качестве одного из «направлений исследований в культурной (социальной) антропологии. Ее можно квалифицировать как субдисциплину, одно из важнейших подразделений антропологического знания, изучающее особенности хозяйственной (экономической) жизнедеятельности в традиционных, доиндустриальных обществах.

В советской этнографической традиции экономическая этнография рассматривалась как «этнографическая дисциплина, пограничная этнографией и политэкономией» [1, с. 90]. Предметная сфера этой дисциплины включала изучение, с одной стороны производственных отношений первобытных и предклассовых (находящихся на стадии перехода к классовому обществу) обществ и экономика крестьянской общины. Изучением экономики крестьянской общины занимались также т.н. аграрная этнография – «раздел этнографической науки, включающей этнографические аспекты народного сельскохозяйственного опыта, традиционного земледелия и животноводства». Кроме того в предметную сферу этого направления входят предметы материальной культуры, а также «исторически сложившиеся трудовые навыки ведения земледельческого и животноводческого хозяйства у разных народов, аграрный календарь, обряды и обычаи, связанные с хозяйственной деятельностью» [1, с. 92].

Необходимо подчеркнуть, что изучение традиционной экономики, включающей разные хозяйственно-культурные практики – типы, требует координации этнографических исследований со многими дисциплинами: историей конкретного вида производящего или производящего хозяйства, археологией и т.д.

Сам термин «экономическая антропология» был введен в научный оборот в 1927 г., как было сказано во введении, но надо отдать должное первые фундаментальные исследования в этой области были опубликованы ранее. Речь идет о цикле работ Б. Малиновского «Аргонавты западной части Тихого океана» (1922), «Преступление и обычай в обществе дикарей» (1926) и «Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии» (1929). Существенную роль в развитии экономической антропологии сыграл труд М. Мосса «Очерк о даре» (1925). Основателем экономической антропологии принято считать выдающегося английского этнографа, антрополога и социолога Б. Малиновского (1884—1942). Благодаря нескольким годам жизни, проведенным среди полинезийцев, учёный собрал богатейший эмпирический материал на о. Маилу (1914), Тробрианских островах (1915-18), Южной Африке, Северной Родезии, Кении, Танганьике (1934), Мексике (1940-41). Крупнейший теоретик в рамках экономической антропологии заслуженно признан венгерский экономист, антрополог и социолог К. Поланьи (1886—1964). Его основные идеи нашли отражение в посмертно изданной работе «Примитивная, архаичная и современная экономика: эссе Карла Поланьи» (Primitive, Archaic and Modern Economics: Essays of Karl Polanyi) (1968). Главной заслугой этого ученого стало выделение в рамках предмета экономической антропологии двух основных разделов: традиционной или примитивной экономики (её изучением занимался также и Б. Малиновский) и архаичной экономики. Под вторым он понимал хозяйство древних, в том числе древневосточных обществ. Одним из выводов венгерского учёного стало утверждение, что в рамках первобытного общества экономика не образует единой целостной системы (как в цивилизованном обществе). Если наш современник осознаёт хозяйство через категории

«рынок», «обмен», «торговля», «собственность», то для людей прошлого (не только древних людей, но и вообще для всего населения, не включенного в капиталистическую систему) экономика наряду с такими понятиями как «семья», «религия», «политика», «культура» является частью целого и неотделима от них. Другими словами, экономическая система была гармонично встроена в социальные отношения. Справедливо в данном случае высказывание Х. Шрадер о том, что Поланьи вслед за Моссом и Малиновским «говорил, что экономику подобных обществ следует рассматривать как социальный процесс» [2, с. 93].

Ученики основателя так называемой «Американской исторической школы» Фр. Боаса писали о том, что традиционная экономика у многих народов чрезвычайно сложна и связана с родственными и религиозными аспектами (М. Мид), изобилует различными этнорепрезентативными аспектами (М. Херсковиц), находящихся на уровне.

Экономическая самобытность этнографической реальности свидетельствует о наличии многих элементов традиционной и даже архаической культуры. Поэтому трудно не согласиться с мнением российских исследовательниц Р. В. Рывкиной и Т. И. Заславской, которые ввели в научный оборот понятие «экономическая культура» и определяют экономическую культуру как историческую память в социально-экономической сфере деятельности [3].

Интерес вызывает тот факт, что предметная область экономической антропологии рядом авторов понимается по-разному. Петербургский исследователь, автор учебника «Культурная (социальная) антропология» А. А. Белик посвятил целый раздел в нем экономической антропологии. Он считает, что основным предметом изучения экономической антропологии являются – «особенности хозяйственной активности в традиционных культурах» [4, с. 337]. Автор другого учебника «Экономическая антропология» немецкий ученый Х. Шрадер так определяет его главную идею: «В целом необходимость в подобном учебном пособии продиктована также и тем, что в рамках современных социально-антропологических исследований в фокусе научного внимания оказались не досовременные общества, а вопросы и проблемы обществ современных. Это значит, что некоторые традиционные для экономической антропологии темы сделались историей, что в особенности касается материала классических «case-studies», ..., поскольку условия жизни исследуемых народов значительно изменились. Эти народы не живут более изолированными общинами, ибо они так или иначе интегрированы в мировой рынок, и интеграция такого рода в значительной степени изменила их образ жизни. В силу, вышесказанного я счел необходимым сделать особый упор на рассмотрение процесса изменения. Эта тема выступает лейтмотивом всей книги» [2, с. 7].

Еще одним немаловажным предметом экономической этнографии сегодня принято считать т.н. неформальную экономику, поскольку неформальные экономические отношения и связи в экономической науке долгое время не были предметом особого внимания и изучения. Прежде, ни в советской науке, ни в зарубежной изучение этого феномена по ряду причин отсутствовало. В рамках советской политэкономии о полноценном изучении неформальной экономической деятельности, процветавшей, например, в номенклатурной среде, невозможно было и подумать. В зарубежной экономической теории (*economics*) четкая предметная ориентация исключительно на формальные модели рационального, максимизирующего полезность поведения в рамках рыночной, капиталистической экономики, долгое время препятствовала развитию такого направления, как *теория неформальной, теневой экономики*.

В 60-70-е годы XX века ученые, занимавшиеся, в основном, изучением экономики развивающихся стран, обратили внимание на область *неформальных экономических отношений*. Такой интерес стал возможным в связи с ростом бедности и безработицы в этих странах в результате воздействия либеральных проектов и реформ. Наконец, с начала 90-х годов XX века на фоне очевидного взлета теневой, коррупционной экономики и процессов криминализации общества в так называемых «трансформирующихся» странах изучение разного рода неклассических, неформальных, теневых экономических отношений

превратилось в бурно развивающееся, значимое направление экономико-социологических и социально-экономических исследований. Исследовательская активность Всемирного банка способствовала этому в не малой степени. В середине 90-х годов Всемирный банк инициировал целую серию проектов по изучению коррупции и теневой экономики [5].

Все сказанное в результате вновь вызвало активный интерес к деятельности выдающегося историка экономики и этнолога Карла Поланьи (1886–1964), а также его последователями – представителями крупного направления в западной экономической этнологии субстантивизма Дж. Дальтону и М. Салинзу.

Так, труды К. Поланьи в последние годы получают все большее признание за рубежом; показательно, что высказанные этим ученым взгляды приобретают популярность сегодня не только среди сторонников более «мягкой» европейской традиции, но и в США.

Вместе с тем, несмотря на значимость его идей именно для современной экономической науки, внимание к наследию великого историка и экономиста проявляют в основном специалисты «смежных» дисциплин – экономической истории, экономической социологии и, безусловно, экономической антропологии.

Центральное положение субстантивистов – отличие примитивной экономики от капиталистической носят не количественный, а качественный, сущностный характер. К. Поланьи противопоставляются два состояния экономики по отношению к обществу – «включенное (embedded)», характерное для докапиталистических обществ, и «выделившееся, автономное (disembedded)», присущее капиталистическим обществам.

Эта идея К. Поланьи, ведет к важным следствиям методологического характера: докапиталистическая экономика в некотором смысле скрыта от глаз, исследователю нужно пробиваться сквозь толщу социальных, культурных, религиозных, моральных, политических, ритуально-символических явлений, чтобы ее обнаружить, раскрыть ее специфические механизмы. Это же справедливо и в отношении неформальной экономики – на практике ее структуры с трудом поддаются вычленению из массы неэкономических поведенческих актов.

Субстантивисты пришли к выводу о необходимости создания особой теории примитивной экономики. Однако поставленная задача так и не была последовательно решена (что не умаляет значения разработанных ими положений и специфических терминов «реципрокция» (*«reciprocity»*) и «редистрибуция» (*«redistribution»*) – понятий, которые все активнее используют не только этнографы и антропологи, но и социологи, изучающие механизмы неформальной экономики. Реципрокция (от лат. возвращать назад, двигать взад и вперед) – понятие, введенное Б.Малиновским, его самое общее определение, принятое в советской этнографии – «циркуляция материальных благ и услуг между людьми, которая представляет собой проявление существующих между ними взаимных обязательств и носит длящийся характер» [6, с. 178.]. Антрополог, специалист по архаической экономике, американский антрополог М.Салинз, понимая под реципрокностью «целый класс обменных процедур, целый континуум различных форм [7, с. 175], выделял три формы реципрокции: генерализованную реципрокцию, сбалансированную реципрокцию и, наконец – негативную реципрокцию [7, с. 177-179].

Редистрибуция – термин, широко используемый в экономической антропологии, и означающий в общем виде «собрание воедино большей или меньшей части продукта, созданного в той или иной человеческой группе, чаще всего его концентрацию в руках ее главы, с последующим его распределением внутри той же самой группы» [6, с. 169]. Выделенное курсивом понятие – также широко применяемое в экономической этнографии и антропологии термин. Распределение – «в узком смысле – во-первых движение материальных благ, завершающееся получением членами общества доли общественного продукта, во-вторых результат этого процесса. Редистрибуция – есть особый процесс, отличный от собственно производства, и входящий в качестве элемента в производство в широком смысле, наряду с собственно производством, обменом и потреблением». Кроме того, в советской этнографической науке считалось, что распределение и его формы «обычно

выражались и закреплялись в различные рода социальных нормах и обычаях, а сам процесс распределения, обрстал всевозможными традиционно-ритуальными действиями» [6, с. 166-167], что в результате придавало им этническую специфику, более того – этнорепрезентативный характер.

Все три описанные выше определения – реципрокция, редистрибуция и распределение понимались К. Поланьи как формы интеграции экономики. Вот как он описывает эти формы интеграции: ...различаясь в зависимости от сектора и уровня хозяйства, формы интеграции являются сравнительно простым средством описания хозяйственного процесса, привнося, таким образом, некую долю упорядоченности в его бесчисленные вариации. На эмпирическом уровне такими основными способами связи являются реципрокность, перераспределение и обмен. Реципрокность [reciprocity] обозначает перемещения между соответствующими точками в симметричных группах; перераспределение [redistribution] представляет акты «стягивания» товаров центром с их последующим перемещением из центра; под обменом [exchange] подразумеваются встречные перемещения из рук в руки в условиях рыночной системы. Следовательно, реципрокность предполагает наличие симметрично расположенных групп [symmetrically arranged groupings]; перераспределение зависит от существования в группе определенной степени централизованное [centricity]; обмен, чтобы породить интеграцию, предполагает наличие системы ценообразующих рынков. Очевидно, что различные способы интеграции требуют определенной институциональной поддержки» [8, с. 51]. Далее он уточняет: «Здесь будут нелишними некоторые пояснения. Термины «реципрокность», «перераспределение» и «обмен», с помощью которых мы характеризуем способы интеграции, часто используются для обозначения межличностных отношений... Реципрокное поведение на уровне индивидов способно интегрировать хозяйство только при наличии симметрично организованных структур – таких, как симметричная система родственных групп. Однако система родства никогда не выступает просто как результат реципрокного поведения на уровне индивидов. То же относится и к перераспределению. Оно предполагает наличие в сообществе распределительного центра [allocative center]. При этом организация и обоснование деятельности такого центра не выступают просто результатом частых актов распределения благ между индивидами. Это же касается и рыночной системы» [8, с. 51-52].

Известный этнограф, автор новейшей теории первобытной экономики Ю.И.Семенов предлагает рассматривать «исследования по первобытной экономике как фундамент, основу и подлинное начало экономической теории в ее наиболее полном варианте, то есть варианте, включающем экономические законы рыночной, то есть капиталистической экономики, и экономические законы всех других обществ так называемой «нерыночной экономики», а также теорию, раскрывающую возможные пути развития экономики, которая преодолевает рамки рыночных отношений» [5]. Такой подход имеет определенный методологический соблазн принимать «все явления нерыночной экономики как дорыночные, незрелые, как противостоящие рынку или предназначенные к вымиранию в рамках глобализационных процессов» [5].

Таким образом, экономическая этнография или экономическая антропология, проблемное поле которой неизмеримо больше представляет собой важное направление этнографической науки в частности и социально-гуманитарного знания в целом.

Традиционная экономическая культура как часть исторической памяти актуализирует обращение к дискуссии, развернувшейся во второй половине XX века, когда известный этнограф-кочевниковед С. И. Вайнштейн предложил ввести в советскую этнографическую науку понятие «старотрадиционная культура». В этой связи он писал: «Этим термином я обозначил лишь ту часть традиционной культуры, которая включает различные историко-генетические слои, вошедшие в нее в условиях докапиталистических формаций, начиная с первобытнообщинной. Эта часть традиционной культуры, бесценный памятник ее истории, в современных условиях исчезает наиболее быстро. Но поскольку все компоненты традиционной культуры тесно взаимосвязаны и функционируют как в многослойной

динамичной системе (...), выделить среди них старотрадиционные не всегда удастся без детального анализа всего собранного в поле материала по традиционной культуре. Разумеется, к исчезающим могут относиться не только старотрадиционные, но и более поздние компоненты традиционной культуры» [9, с. 61]. Сам прецедент говорит о том, что этнографическая наука, изучая культуру сельского населения, отмечает целый конгломерат архаики, прекрасно уживающейся с модернизационными процессами. Несмотря на смену политического строя, смену экономических мотиваций нравственные аспекты продолжают в жизни людей продолжать играть важную роль.

Список использованных источников

1. Свод этнографических понятия и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. – М.: Наука, - 1988. – 224 с.
2. Шрадер Х. Экономическая антропология. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 192 с.
3. Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества. Опубликовано на портале: 12-05-2004 // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 3-11.; Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни: очерки теории. - Новосибирск: Наука. Сиб отд-ние. 1991. 448 с.; Рывкина Р.В. Экономическая культура в России: трудности и этапы становления. // Мир России. 1994. Т. 3. № 1. С. 55-65; Рывкина Р.В. Образ жизни населения России: социальные последствия реформ 90-х годов // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 32-39.
4. Белик А.А. Культурная (социальная) антропология: Учебное пособие. - М.: РГГУ, 2009. 613 с.
5. Белик А. А. Экономическая антропология: взаимодействие экономики и культуры // Экономический журнал. 2010. № 20. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-antropologiya-vzaimodeystvie-ekonomiki-i-kultury> (дата обращения: 14.05.2012).
6. Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. - М., 1986. – 239 с.
7. Салинз М. Экономика каменного века. — М.: ОГИ, 1999. — 296 с.
8. «Великая трансформация» Карла Поаньи: прошлое, настоящее, будущее. Под общей ред. Р.М. Нуреева. - М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – 321 с.
9. Вайнштейн С.И. Еще раз о полевым исследовании традиционной культуры (ответ участникам дискуссии) // Советская этнография. 1986. № 1. – С.61-68